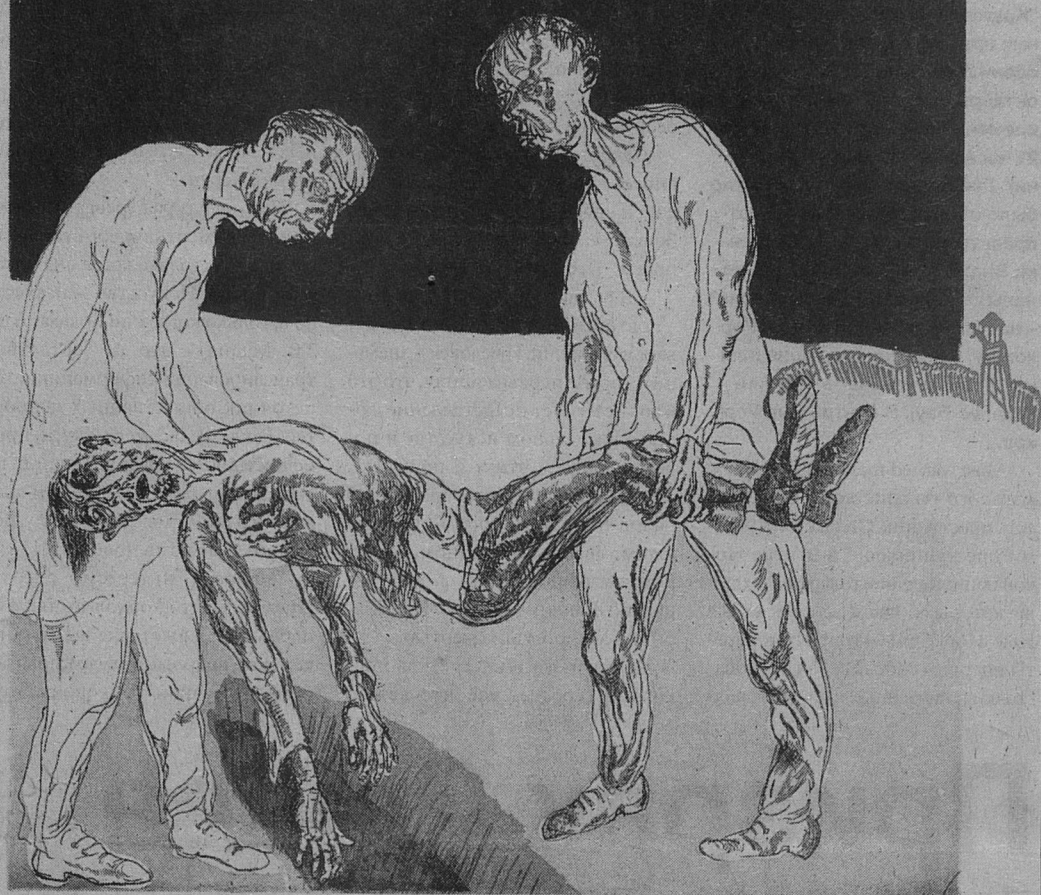

60. Реквием террористу И.И.КСИМ

Максим Кантор. Лист из серии "Пустырь. Атлас"

Объект "Объедки"

Кантор смотрит на Родину сквозь пальцы
Независимая газ. - 2001. - 31 окт. - с. 9.

Михаил Сидлин

В Третьяковской галерее открыта выставка "Пустырь. Атлас": на ней - объект "Объедки", графический лист "Взгляд на Родину сквозь пальцы" и прочие работы Максима Кантора. А в "Улице ОГИ" - "Пустырь. Стадии" (его же).

Кантор родился в Москве в 1957 г. В 1980 г. окончил Московский полиграф. Известность получил на перестроечной волне - после «молодежных» выставок в конце 80-х. Самый большой успех Максима Кантора - его участие в XLVII Венецианской биеннале, где он был художником российского павильона (это случайное решение вызвало тогда, в 1997-м, много кривотолков в прессе).

Какая пакость! Опять загадили сокровищницу русского искусства. По небрежности штриха листы напоминают «крокодильские» халтуры советских графиков третьего ряда, да и по сюжету - вполне подходят для обличения нравов на страницах великого советского журнала. Единственное, что отличает картинку Кантора от карикатур, - это переизбыток, перерасход энергии. Фигур здесь слишком много. А злости - еще больше.

Один блюет, другой за ним подмечает. Двое мужчин мочатся и болтают. А пьяные столбаны повалились друг на дружку. Грязный мужик роется в помоях. Толпа мешочников, и драчуны, и инвалиды. Довольно муторно и тошно. Но та-

кова Россия. В графике Максима Кантора. Точнее, в листе № 4 (без названия) его новой серии.

В центре - красное пятно. У кровавой тарелки столпились толстяки (один даже похож на Ельцина). Это внутренний, «черный» круг - те, кто у кормушки: один из них высовывает фигу, на которую просто молится человек из следующего, «серого» круга; другой человечек из той же, средней страты пытается по лестнице пробраться вверх, но, дойдя до ее конца, так уменьшился в размерах, что скоро совсем исчезнет из виду. Вокруг серых - «красный» круг - те, кому достаются лишь отбросы: вся эта пьянь, грязное мужичье. Такова социальная модель России по Кантору.

Три круга. Между ними границей - просто пустоты. А еще они отделены друг от друга цветом (в «ОГИ» показан сам процесс создания работы - как постепенно, шаг за шагом, за надпечаткой надпечатка слои отделяются друг от друга). Карта общественной болезни.

Лист № 5 «Город». В центре - красный Кремль (сплюснутая мешанина из соборных куполов и башен с двуглавыми орлами, окруженная круглой стенкой, из которой все это царство выпирает, как булки и колбаски из авоськи), вокруг - притертые друг к другу черные домики-домишки сталинского вида. И третий круг - бараки на окраинах (вплоть до концлагеря, чувствуете отзвук Данта в изложении Солженицына?). Социология Кантора.

Немного напоминает Георга Гросса. Но, конечно, Гросс на порядок лучше владел рисунком. Еще больше похоже на барачный мрак

Оскара Рабина. Но его время в искусстве ушло еще лет 40 тому назад. Но есть у новой графики Кантора еще одно, что сближает ее с мрачной лианозовщиной. Среди домов - ни одной современной постройки. Среди людей - ни одной модной одежды. Все больше ватники да пятиэтажки. Время - не позже конца 50-х (если не считать карикатурных Ельциных-Путинных). Мир своеобразной ностальгии.

Кантор уже в России не живет. И правильно. Вдали от родины гораздо проще сохранять в себе чистое ликование ненависти. Но тянет, тянет к себе живительная мерзость. И вот в Лондоне на девственно чистые листы прекрасной бумаги ложится серия «Пустырь». Кантор рисует гадость с детским восторгом и восхищением. В толпе вокруг дерущихся всегда найдется некто, кто закричит: «В рыло ему! Добавь!» И при виде юшки на чужой мордахе лицо зрителя ярко осветит счастье. Источник счастья очевиден - в том, что не ему, не зрителю, сегодня дали в рыло. Злоба над чужой бедой в его грязнейшем виде.

На коленях у Путина сидит старая баба. Лист называется «Россия и Европа». Президент с гримасой злобы на лице протягивает на поцелуй Европе благообразную стариковскую маску. Забористо? В газете «День» увидишь еще и не такое. К тому же Геннадий Животов, который часто в «Дне» забавляется карикатурками, рисует лучше - ярче и талантливее. Что остается, кроме карикатуры? Только слава. Пустое место. Чистый дым. Он Кантору и сладок и приятен. ■